

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

БЕРТРАН
РАССЕЛ

ЭТОТ
БЕЗУМНЫЙ
МИР

«СУМАСШЕДШИЙ
Я
ИЛИ ВСЕ
ВОКРУГ МЕНЯ?»

АЛЬБЕРТ
ЭЙНШТЕЙН

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Философский поединок

Бертран Рассел

**Этот безумный мир.
«Сумасшедший я или
все вокруг меня?»**

«Алисторус»

УДК 82-84
ББК 84.3

Рассел Б.

Этот безумный мир. «Сумасшедший я или все вокруг меня?» /
Б. Рассел — «Алисторус», — (Философский поединок)

ISBN 978-5-907255-38-8

Авторы этой книги – всемирно известные ученые, лауреаты Нобелевской премии. Бертран Рассел – британский ученый, внесший неоценимый вклад в математическую логику, историю философии и теорию познания. Рассел считается одним из основателей английского неореализма, а также неопозитивизма. Альберт Эйнштейн, помимо своих выдающихся работ по физике, много писал о проблемах социологии и политики, а также всю жизнь живо интересовался вопросами философии. Оба ученых довольно скептически относились ко многим сторонам развития современного мира; не случайно Эйнштейн вопрошал: «Сумасшедший я или все вокруг меня?». В данную книгу вошли наиболее значимые статьи Эйнштейна и Рассела, посвященные общественной проблематике. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 82-84
ББК 84.3

ISBN 978-5-907255-38-8

© Рассел Б.
© Алисторус

Содержание

Бертран Рассел	6
Вместо предисловия	6
Пролог	7
Почему люди несчастны?	12
Возможна ли «благая жизнь»?	12
Почему люди несчастны?	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Бертран Рассел (Bertrand Arthur William
Russell), Альберт Эйнштейн (Albert Einstein)**
Этот безумный мир
«Сумасшедший я или все вокруг меня?»
Сборник

* * *

© Б. Рассел (Russell B.), А. Эйнштейн (Einstein A.), правообладатели
© Перевод А. Сазыкина, Ю. Данилова, А. Чичерина, К. Федченко, В. Иванова, А. Люби-
ной, С. Суворова, А. Френка, Т. Казавчинской, Н. Цыркун
© ООО «Издательство Родина», 2020

Бертран Рассел

«В этом безумном мире...»

Вместо предисловия

Всю мою жизнь пронизывали три страсти, простые, но неодолимые в своем могуществе: жажда любви, тяга к знанию и мучительное сочувствие к страданиям человечества. Как могучие ветры, носили они меня над пучиной боли, увлекая из стороны в сторону и порой доводя до отчаяния.

Я искал любви, прежде всего потому, что от нее душа кипит восторгом, безмерным восторгом – за несколько таких часов не жаль пожертвовать всей жизнью. Я искал любви и потому, что она прогоняет одиночество, страшное одиночество трепещущего сознания, чей взор устремлен за край Вселенной, в непостижимую безжизненную бездну. Наконец, я искал любви и потому, что в единении двух видел, словно на заставке таинственной рукописи, прообраз рая, открывавшегося поэтам и святым. Вот что я искал и вот что в конце концов обрел, хоть это и напоминает чудо.

С не меньшей страстью я стремился к знанию. Я жаждал проникнуть в человеческое сердце. Жаждал узнать, почему светят звезды. Стремился разгадать загадку пифагорейства: понять власть числа над изменяющейся природой. И кое-что, правда, совсем немного, мне удалось понять.

Любовь и знания – когда они давались в руки – влекли меня наверх, к небесной выси, но сострадание возвращало вновь на землю. Крики боли эхом отдавались в сердце: голодающие дети, жертвы насилия, беспомощные старики, ставшие ненавистным бременем для собственных детей, весь этот мир, где бескрайнее одиночество, нищета и боль превращают человеческую жизнь в пародию на самое себя. Я так хотел умерить зло, но был не в силах, и я сам страдаю.

Такова была моя жизнь. Ее стоило жить, и если бы я мог, охотно прожил бы ее сначала.

Пролог

Вот что Мефистофель рассказал доктору Фаусту об истории творения.

Бесконечные восхваления хора ангелов стали утомительны; ведь, в конце концов, разве он не заслужил этого? Разве он не дал им вечного блаженства? Не приятнее ли получать незаслуженную хвалу и почитаться существами, которым он принесет страдания? Он улыбнулся про себя и решил, что великая драма должна быть сыграна.

Неисчислимые века раскаленная туманность бесцельно вращалась в пространстве. Со временем она приняла форму, образовались центральное тело и планеты, последние остывали, бурлящие моря и пылающие горы вздымались и опускались, из черных облаков на едва застывшую землю низвергались горячие потоки дождя. Затем в глубинах океана возник первый росток жизни и быстро развился, в благодатном тепле, в огромные деревья, громадные папоротники, выраставшие из влажной почвы, в морских чудовищ, размножавшихся, дравшихся, пожиравших друг друга и гибнувших. А из чудовищ, по мере того как драма разворачивалась, возник человек, обладавший силой мышления, знанием добра и зла и нестерпимой жаждой поклоняться.

Человек увидел, что все преходяще в этом безумном, чудовищном мире, что все вокруг борется за то, чтобы ухватить любой ценой несколько кратких мгновений жизни, прежде чем смерть вынесет свой беспощадный приговор. И человек сказал: «Есть скрытая цель, которую мы могли бы постичь, и эта цель благая; ибо мы должны почитать что-нибудь, а в видимом мире нет ничего достойного внимания». И человек вышел из борьбы, решив, что бог вознамерился создать из хаоса гармонию человеческими усилиями. И когда он следовал инстинкту, который бог передал ему от его хищных предков, то называл это грехом и молил простить его. Но он сомневался, есть ли ему прощение, пока не изобрел божественного плана, по которому гнев божий должен быть утолен. И видя, что настоящее нехорошо, он сделал его еще хуже, так, чтобы будущее могло стать лучше. И он возблагодарил бога за силу, позволившую ему отказаться даже от тех радостей, которые были доступны. И бог улыбнулся; и когда увидел, что человек достиг совершенства в отречении и поклонении, запустил в небо еще одно Солнце, которое столкнулось с Солнцем человека; и все опять превратилось в туманность.

«Да, – тихо сказал он, – это было неплохое представление; надо посмотреть его еще раз».

* * *

Таков в общих чертах мир, который рисует нам наука, – он даже еще бесцельнее и бессмысленнее. Именно в таком мире, и нигде больше, должны найти себе место наши идеалы. Что человек есть продукт действия причин, не подозревающих о цели, к которой направлены; что его рождение, рост, его надежды и страхи, его любовь и вера суть лишь результат случайного сцепления атомов; что никакой героизм, никакое воодушевление и напряжение мысли и чувств не могут сохранить человеческой жизни за порогом смерти; что вся многовековая работа, все служение, все вдохновение, весь блеск человеческого гения обречены на то, чтобы исчезнуть вместе с гибелью Солнечной системы; что храм человеческих достижений будет погребен под останками Вселенной – все эти вещи, хотя их и можно обсуждать, столь очевидны, что никакая философия, их отвергающая, невозможна. Только в опоре на эти истины, только на твердом фундаменте полного отчаяния можно теперь строить надежное убежище для души.

Каким же образом это бессильное существо – человек – может сохранить свои надежды в чуждом и бесчеловечном мире? Тайной остается, как природа – всемогущая, но слепая в своих бесконечных движениях и вращениях, происходящих в космических безднах, – смогла все же породить дитя: пока что полностью от нее зависящее, однако наделенное зрением, зна-

нием добра и зла и способное судить обо всех творениях своей бездумной матери. Несмотря на смерть – знак и печать родительской власти, человек способен всю свою недолгую жизнь свободно исследовать, критиковать, познавать и – в воображении – творить. В известном ему мире только он обладает такой свободой, и в этом превосходство человека над непреодолимыми силами, управляющими его внешней жизнью.

Дикарь, подобно нам, чувствует свою беспомощность перед силами природы; но, не имея в себе ничего, что он почитал бы больше власти, дикарь простирается ниц перед своими богами, не спрашивая себя, достойны ли они его поклонения. Жалка и ужасна долгая история жестокости, мучений, вырождения и жертв, принесенных в надежде умиловить ревнивых богов: ведь когда дрожащий от страха верующий отдает самое ценное, он думает, что кровожадность богов будет утолена, и крови более не понадобится. Религия Молоха – таково ее родовое название – есть, в сущности, низкопоклонство раба, который не смеет допустить и мысли о том, что его господин не заслуживает поклонения. Пока независимость идеалов не признана, власти поклоняются – ее безгранично почитают, несмотря на то, что она причиняет жестоку и незаслуженную боль.

Но постепенно, по мере того как смелее мораль, начинают заявлять о себе и притязания идеального мира; поэтому поклонение, если оно не желает вовсе исчезнуть, должно обратиться на иных богов. Некоторые, хотя и видят требования идеала, все же сознательно их отвергают, считая власть более достойной поклонения. Подобное отношение содержится в божьем ответе Иову, который тот услышал в шуме ветра: божественные власть и знание налицо, но на божественную доброту нет и намека. Таково же и отношение тех, кто в наши дни основывает мораль на борьбе за выживание, утверждая, что победители с необходимостью оказываются наилучшими. Другие, не принимая столь отталкивающего взгляда, стоят на позиции, которую мы привыкли считать специфически религиозной; они говорят, что на самом деле мир факта находится в скрытой гармонии с миром идеалов. Так человек творит бога, всемогущего и всеблагого, мистическое единство того, что есть, и того, что должно быть.

Но мир факта все же не является благом; подчиняясь ему в суждении, мы раболепствуем, и от этого следует избавиться. Ибо во всем надо поднимать достоинство человека, освобождая его, насколько возможно, от тирании нечеловеческой власти. Когда мы осознали, что власть по большей части зла, что человек с его знанием добра и зла – всего лишь беспомощный атом, а мир лишен такого знания, мы вновь оказываемся перед выбором: будем ли мы поклоняться власти, или мы будем поклоняться доброте? Будет ли наш бог существовать и творить зло, или его следует признать порождением нашего сознания?

Ответ на этот вопрос очень важен и затрагивает всю нашу мораль. Поклонение силе, которому нас учили Карлейль, Ницше и милитаристы, является результатом краха идеалов перед лицом враждебной Вселенной: это – безоговорочное подчинение злу, жертва Молоху лучшего, что в нас есть.

Если сила действительно достойна уважения, давайте будем уважать силу тех, кто отказывается от лживого «признания фактов» – признания, не признающего, что факты нередко злы. Согласимся, что в известном нам мире существует много такого, что могло бы быть лучше, и что идеалы, которым мы привержены, не реализованы в царстве материи. Сохраним же наше уважение к истине, красоте, к недостижимому в жизни идеалу совершенства – хотя ничто из этого не встречает одобрения в бессознательной Вселенной. Если власть – зло, вырвем ее из наших сердец.

В этом истинная свобода человека: в решимости поклоняться только тому богу, который сотворен нашей любовью к добру; в почитании только тех небес, которые вдохновляют нас в лучшие минуты.

* * *

Когда мы впервые ясно видим противоположность факта и идеала, кажется, что для утверждения свободы необходим дух яростного восстания, свирепой ненависти к богам. Кажется, что противостоять с прометеевской твердостью враждебной Вселенной, всегда помнить о зле и ненавидеть его, не прячась от ударов, наносимых злобной властью, – долг тех, кто не станет унижаться перед неумолимым. Однако негодование все еще кабала, ибо обращает наши мысли к этому злему миру; и в яростном желании, порождающем дух восстания, есть какое-то самоутверждение, которое мудрым людям необходимо в себе преодолеть.

Негодование есть подчинение наших мыслей, но не желаний; а мудрость стоической свободы заключается в подчинении желаний, но не мыслей. Из подчинения желаний вырастает добродетель смирения; из свободы мысли – весь мир искусства и философии и то видение прекрасного, с помощью которого мы в конце концов наполовину завоевываем непокорный мир. Но видеть прекрасное может лишь освобожденное от оков созерцание, мышление, не стесненное грузом нетерпеливых желаний; и потому свобода приходит только к тем, кто уже не требует от жизни никаких подверженных действию времени личных благ.

Хотя необходимость отречения и является свидетельством существования зла, все же христианство, проповедуя его, обнаруживает мудрость, превосходящую прометеевскую философию восстания. Мы должны признать, что из вещей, к которым мы стремимся, некоторые, хотя и кажутся невозможными, – все-таки реальные блага; другие же не принадлежат к чистому идеалу. Мнение, что заслуживающее отречения является злом, не всегда оправданно, но оно оправданно чаще, чем полагает необузданная страсть. Вера религии, стремясь доказать, что она никогда не бывает ложной, помогает очищению наших надежд ценой познания многих горьких истин.

В смирении есть еще одно достоинство: даже реальных благ не следует желать, когда они недостижимы. К каждому человеку рано или поздно приходит великое смирение. Для молодых нет ничего недостижимого; вещь, желаемая со всей силой страсти и вместе с тем невозможная, для них непредставима. Но смерть, болезнь, нищета, голос долга дают всем нам понять, что мир создан не для нас, и что, как бы прекрасны ни были вещи, к которым мы стремимся, судьба может все сделать по-своему. Когда приходит несчастье, мужество заключается в том, чтобы стерпеть без единого слова крушение надежд и отвлечь мысли от тщетных сожалений. Такая степень подчинения не просто справедлива и правильна: она открывает путь к мудрости.

Однако мудрость – не только в пассивном отречении; с помощью одного лишь отречения не построить храма, где мы смогли бы поклоняться нашим идеалам. Предчувствие храма является в сфере воображения, в музыке, архитектуре, в бестревожном царстве разума, в магическом злате лирики, где прекрасное блистает и переливается, вдали от несчастий, вдали от страха перед утратами, вдали от неудач и разочарований. При созерцании этих вещей в наших сердцах возникает небесное видение, являющееся одновременно критерием для суждений об окружающем и вдохновением, приспособляющим к нашим чаяниям все то, что хоть как-то поможет выстроить этот храм.

За исключением тех редких душ, которые рождены без греха, все должны пройти через темную пещеру, прежде чем достигнут храма. Вход в пещеру – отчаяние, а дно – могильные плиты над разрушенными надеждами. «Я» должно умереть там; должны быть умерщвлены страсти, жадность необузданных желаний, ибо только такой ценой душа может освободиться от власти судьбы. Смирение выводит нас из пещеры к свету мудрости, который влечет к себе сердце путника, обещая новое понимание, новую радость и новую нежность.

И когда, избавившись от бессильной горечи восстания, мы научимся смирению перед внешним господством судьбы и поймем, что нечеловеческий мир недостоин нашего поклоне-

ния, станет, наконец, возможным такое изменение и преобразование бессознательной Вселенной, такое ее превращение в горниле воображения, в результате которого сверкающий золотом образ заменит старого глиняного идола. Во всем многообразии мира – в очертаниях деревьев, гор и облаков, в событиях жизни человека, даже в самом всемогуществе смерти – проникающий взор творческого идеализма может обнаружить отражение красоты, которую создало когда-то его же собственное мышление.

На этом пути разум утверждает свое утонченное господство над бездумными силами природы. Чем больше зла в мире, чем упорнее он сопротивляется неумному желанию, тем величественнее достижения разума, когда он все же заставляет непокорные недра раскрыться и отдать спрятанные богатства, тем значительнее его победы над противником, вынужденным рукоплескать его триумфальному шествию. Из всех искусств трагедия – самое значительное и великое, ибо возводит свою сверкающую цитадель в самом центре вражеской страны, на вершине самой высокой горы; с ее неприступных башен видны стоянки, склады оружия, колонны и укрепления – видно все; за ее стенами продолжается свободная жизнь, и легионы смерти, боли, отчаяния, и все полководцы тиранической судьбы не могут помешать жителям этого бесстрашного города радоваться красоте.

Счастливы благословенные защитники, трижды счастливы обитатели этого всевидящего величия. Слава храбрым воинам, которые на протяжении бесчисленных веков сохраняли для нас бесценное наследие свободы и не позволили кощунственным завоевателям разорить жилище непокорных!

* * *

Но качество, проявляющееся в красоте трагедии, присуще жизни всегда и везде, в любых обличьях. В смерти, в нестерпимой боли и невозвратимости прошлого есть что-то священное, они внушают благоговение, чувство простора и глубины, неисчерпаемой тайны существования, которая привязывает к миру страдающего человека узами боли и горести. В эти моменты проникновения мы теряем всю страстность мимолетного желания, всякое стремление к незначительным целям, всякую заботу о мелочах, которые составляют для поверхностного взора повседневную жизнь; мы видим вокруг маленького плота, освещенного мерцающим светом человеческого товарищества, темную глубину океана, волны которого нас качают какой-то краткий час; из великой ночи веет холодный, пронзительный ветер; душа ощущает великое одиночество людей среди враждебных сил и должна, собрав все свое мужество, в одиночку бороться с целой Вселенной, которой дела нет до наших надежд и страхов. Победа в этой борьбе с властью тьмы означает истинное крещение в славную когорту героев, истинное посвящение в красоту человеческого существования. Из встречи души с внешним миром рождаются смирение, мудрость и сострадание, а с ними начинается и новая жизнь. Вобрать в самую сокровенную обитель души те властные силы, игрушками которых мы являемся, – смерть и утрату, невозвратимость прошлого и беспомощность человека перед слепым метанием Вселенной от одной тщеты к другой, почувствовать и узнать эти вещи – значит одержать над ними победу.

Вот почему прошлое обладает столь магической властью. Красота его недвижных и безмолвных картин похожа на зачарованную чистоту поздней осени: листья продолжают полыхать золотым сиянием, пока первый порыв ветра не сорвет их с ветвей. Прошлое не изменяется и никуда не стремится, оно крепко спит после судорог и лихорадки жизни; то, что было страстью и погоней, мелочным и преходящим, постепенно развеялось, а вещи прекрасные и вечные светят из прошлого, подобно звездам. Красота прошлого для души низкой невыносима; но для души, покорившей судьбу, – это ключ к религии.

Жизнь человека, если посмотреть на нее со стороны, очень незначительна в сравнении с силами природы. Раб обречен поклоняться времени, судьбе и смерти, потому что они величе-

ственное всего, что он в себе находит, а еще потому, что все его мысли направлены на вещи, ими пожираемые. Но, хотя они и велики, мыслить о них, чувствовать их бесстрастное великолепие – еще более великое дело. Мышление делает нас свободными; мы не склоняемся более в восточном унижении перед неизбежным, но впитываем его и делаем частью самих себя. Отказаться от борьбы за личное счастье, избавиться от сиюминутного желания и стогать от страсти по вечному – вот что такое освобождение, и именно ему поклоняется свободный человек. Свобода возникает из созерцания судьбы; ибо сама судьба теперь в подчинении у разума, который ничего не оставляет очищающему огню времени.

Связанный с остальными людьми самыми прочными узами – узами общего рока, свободный человек находит, что новое видение всегда с ним, освещая каждое обыденное дело светом любви. Жизнь человека – долгий путь в ночи, на котором его поджидают невидимые враги, усталость и боль. Это путь к цели, достигнуть которой суждено немногим. Один за другим наши товарищи, идущие по этому пути, исчезают, подчиняясь неслышным приказам всемогущей смерти. Очень кратко время, когда мы можем помочь им, когда решается их счастье или несчастье. Пусть в нашей власти будет осветить им путь светом солнца, облегчить их горести сочувствием, принести им светлую радость неустанной привязанностью, укрепить слабеющую волю, внушить веру в часы отчаяния. Не будем мелочно взвешивать их достоинства и недостатки, будем думать лишь об их нуждах – о горестях, трудностях, возможно, о слепоте, которые составляют несчастье их жизни; будем помнить, что они такие же, как мы – страдающие во тьме люди, актеры из той же трагедии. Поэтому, когда дни их пройдут, когда все, что было в них доброго и злого, станет вечным в бессмертии прошлого, мы сможем сказать, что в их страданиях и неудачах нет нашей вины – наоборот, когда бы ни вспыхивала искра божественного огня в их сердцах, мы всегда были готовы помочь одобрением, симпатией, словом.

* * *

Коротка и бессильна жизнь человека; на него и на весь его род медленно и неумолимо падает рок, беспощадный и темный. Не замечая добра и зла, безрассудно разрушительная и всемогущая материя следует своим неумолимым путем; человеку, осужденному сегодня потерять самое дорогое, а завтра самому пройти через врата тьмы, остается лишь лелеять, пока не нанесен удар, высокие мысли, освещающие его недолгие дни; презирая трусливый страх раба судьбы – поклоняться святыне, созданной собственными его руками; не боясь власти случая, хранить разум от бессмысленной тирании, господствующей над его внешней жизнью; бросая гордый вызов неумолимым силам, которые терпят до поры его знание и его проклятия, держать на себе мир, подобно усталому, но не сдающемуся Атласу.

Держать – вопреки давящей все на своем пути бессознательной силе – мир, сотворенный его идеалами.

(Из статьи Б. Рассела «Поклонение свободного человека»)

Почему люди несчастны?

Возможна ли «благая жизнь»?

В различные времена и у разных народов взгляды на «благую жизнь» отличались. Иногда вопрос о благе является спорным – например, когда люди расходятся в мнениях о том, какими средствами должна быть достигнута какая-нибудь цель. Некоторые люди считают верным средством предотвращения преступления тюрьму, другие полагают, что лучшее средство – образование. О том, что лучше, можно судить, имея достаточное количество фактических данных. Но некоторые вопросы не поддаются проверке. Толстой осуждал всякую войну; другие считали, что солдат, воюющий за правое дело, ведет весьма достойную жизнь. Вероятно, здесь налицо реальное различие в целях. Те, кто восславляют солдата, обычно также полагают, что наказание грешников – благо. Толстой так не думал.

О подобных вещах вообще трудно спорить. Я не способен поэтому доказать, что мои воззрения на благую жизнь верны, а могу только высказать их и надеяться, что многие люди с ними согласятся. На мой взгляд, благая жизнь – это жизнь, вдохновляемая любовью и направляемая знанием. И знание, и любовь бесконечны. Следовательно, какой бы благой ни была жизнь, она может быть еще лучше. Ни любовь без знания, ни знание без любви не могут привести к благой жизни.

В средние века, когда в стране появлялась чума, священнослужители советовали собираться в церквах и молиться об избавлении. В результате инфекция распространялась среди молящихся с чрезвычайной быстротой. Это – пример любви без знания. Последняя война дает пример знания без любви. В том и другом случае результатом была гибель многих людей.

Хотя необходимы и любовь, и знание, любовь в каком-то смысле более фундаментальна: она направляет умных людей на поиски знания, которое помогло бы принести благо любимым. Глупцы довольствуются тем, что им известно, и, несмотря на всю свою благожелательность, могут даже повредить ближнему. Медицина, вероятно, лучший тому пример. Умелый врач для больного полезнее самого преданного друга, а прогресс медицинского знания делает для здоровья общества неизмеримо больше, чем невежественная филантропия. И все же элемент благожелательности важен и здесь, если мы хотим, чтобы выгоду от научных открытий получали не одни только богачи.

Любовь – такое слово, за которым скрываются очень разные чувства; в них следовало бы разобраться. Любовь как эмоция – а именно об этом речь, поскольку любовь «из принципа» не кажется мне подлинной, – движется между двумя полюсами: с одной стороны, это чистая радость созерцания, с другой – чистая благожелательность. Неодушевленные объекты доставляют одну только радость – нельзя быть благожелательным к пейзажу или сонате. Этот тип любования является, по-видимому, источником искусства. Как правило, он сильнее у детей, чем у взрослых, склонных рассматривать предметы с точки зрения их пользы, и играет огромную роль в наших чувствах к людям: в качестве объектов эстетического созерцания одни из них нас очаровывают, другие, напротив, вызывают отвращение.

Другой полюс любви – благожелательность. Люди жертвовали собой, помогая прокаженным, и любовь, которую они при этом испытывали, не могла содержать никакого эстетического наслаждения. Любящие родители обычно радуются, когда их дети хорошо выглядят, однако их чувства к детям неизменны и тогда, когда об этом говорить не приходится. Было бы странно называть чувства матери к больному ребенку благожелательностью, потому что мы привыкли обозначать этим словом весьма слабую эмоцию, состоящую на девять десятых из притворства. Однако трудно найти какое-то другое слово, чтобы описать желание блага для другого

человека. Это желание может быть сколь угодно сильным в случае родительской любви. В других случаях оно менее интенсивно; весьма вероятно, что всякая альтруистическая эмоция является своего рода всплеском родительской любви, а иногда ее сублимацией. За неимением лучшего слова назову эту эмоцию «благожелательностью». Хочу подчеркнуть, что речь идет именно об эмоции, а не о принципе; я не вкладываю в это слово чувства превосходства, которое иногда с ним ассоциируют. Слово «симпатия» отчасти выражает то, что я имею в виду, однако оно не передает важный в данном случае оттенок – активность.

* * *

Любовь в самом полном своем выражении соединяет два взаимосвязанных начала – радость и благожелание. Наслаждение, которое получают родители от красивого и удачного ребенка, соединяет в себе оба начала. То же и с половой любовью, в лучших ее проявлениях. Но в половой любви благожелательность существует лишь при условии полного обладания, в противном случае она разрушается ревностью; впрочем, ревность иногда даже усиливает радость созерцания. Радость без желания блага может быть жестокой, желание блага без радости легко становится холодным и чуть высокомерным. Желаящий любви человек хочет, чтобы она содержала оба начала. Это не относится к случаям крайней слабости, таким, как детство и серьезная болезнь. И наоборот, в случаях крайней силы нуждаются скорее в восхищении, чем в благожелательности. Так обстоит дело с властителями и красавицами.

Мы желаем, чтобы другие люди относились к нам хорошо: пропорционально тому, насколько сами нуждаемся в помощи или опасаемся, что нам будет причинен вред. По крайней мере, такова биологическая логика ситуации – пусть она и не всегда оправдывается в жизни. Мы желаем любви, чтобы избежать чувства одиночества, чтобы быть понятыми. Это скорее симпатия, а не благожелательность; человек, чувство которого нас удовлетворяет, не просто хорошо к нам относится – он знает, в чем состоит наше счастье. Но это уже принадлежит к другому элементу благой жизни, а именно к знанию.

В совершенном мире каждое существо является для любого другого существа объектом самой полной любви, состоящей из сплавленных воедино радости, благожелательности и понимания. Из этого не следует, что в нашем действительном мире мы должны стараться испытывать такого рода чувства ко всем существам, которых встречаем. Многие не вызовут у нас чувства радости, потому что отвратительны.

Если мы совершим насилие над своей природой, чтобы увидеть в них красоту, это будет просто притуплением нашей чувствительности к естественно прекрасному. Кроме человеческих существ, есть еще мухи, тараканы и вши. Мы должны быть закалены, чтобы почувствовать радость от их созерцания. Некоторые святые, правда, называли их «жемчугом божьим», но при этом радовались скорее возможности продемонстрировать собственную святость.

Быть благожелательным к возможно большему числу людей легче, но и благожелательность имеет пределы. Если мужчина хочет жениться, но, обнаружив, что у него есть соперник, добровольно уступает ему место, мы будем очень удивлены: считается, что вопрос о женитьбе – поле честного соперничества. В данном случае, однако, чувства к сопернику не могут быть очень уж благожелательными.

Думаю, что во всех описаниях благой жизни здесь, на Земле, мы должны признать в качестве ее подосновы животную витальность и животный инстинкт. Без них жизнь становится серой и неинтересной, и цивилизация должна не подменять их, а скорее служить своего рода дополнением. С этой точки зрения аскетический святой и отрешенный мудрец – уже несовершенные человеческие существа. Когда их немного, они разнообразят общество, но если бы мир состоял только из них, можно было бы умереть со скуки.

Высказывая эти соображения, мы подчеркиваем значение радости как составной части наилучшей любви. Радость в этом действительном мире неизбежно избирательна, и это спасает от одинаковых чувств ко всем людям. Когда между благожелательностью и радостью возникают конфликты, они должны, как правило, решаться с помощью компромисса, а не через подчинение одного другому. У инстинкта свои права, и, если мы совершаем над ним чрезмерное насилие, он начинает мстить нам исподволь. Поэтому, стремясь к благой жизни, следует иметь в виду пределы человеческих возможностей. И здесь мы опять наталкиваемся на вопрос о необходимости знания.

* * *

Когда я говорю о знании как составной части благой жизни, то имею в виду знание не этическое, а научное – знание конкретных фактов. Не думаю, что такая вещь как этическое знание вообще существует. Если мы желаем достигнуть какой-то цели, знание может указать средства ее достижения, и такое знание можно условно назвать этическим. Но я считаю, что мы не способны решить, правильны некоторые действия или неправильны, не обращаясь к их вероятным последствиям. Когда цель поставлена, дело науки – разобраться, какими путями до нее пойти. Все моральные правила проверяются тем, способствуют они достижению желаемых целей или нет.

Я говорю именно «желаемых целей», а не «целей, которых мы должны желать». Когда мы «должны» желать, это означает, что от нас чего-то хотят; обычно это люди, наделенные властью, – родители, школьные учителя, полицейские и судьи. Если вы говорите мне «ты должен сделать то-то и то-то», сила ваших слов обусловлена только моим собственным желанием получить от вас одобрение и поощрение и, возможно, избежать наказания. Поскольку всякое поведение возникает из желания, ясно, что этические понятия имеют только то значение, что влияют на желание, причем именно на желание получить одобрение или избежать страха перед неодобрением. Это мощные социальные силы, и мы, естественно, стремимся ими воспользоваться, когда решаем какие-либо социальные задачи.

Когда я говорю, что о моральности поведения следует судить по его вероятным последствиям, то имею в виду желательность того, чтобы поведение, которое служит осуществлению желаемых социальных задач, одобрялось, а поведение противоположного характера встречалось неодобрением. Сегодня это не делается – существуют некоторые традиционные правила, согласно которым одобрение и неодобрение санкционируются независимо от учета последствий. Но этой темой мы займемся в следующем разделе.

Поверхностность теоретической этики можно продемонстрировать на самых простых примерах. Предположим, что ваш ребенок болен. Любовь заставляет вас желать, чтобы его вылечили, а наука указывает, как это сделать. Здесь нет какого-то промежуточного звена в виде этической теории, специально доказывающей, что вашего ребенка хорошо было бы вылечить. Ваше действие возникает непосредственно из желания достигнуть цели, а также из знания средств. Это верно в отношении всех действий, хороших и плохих. Цели различаются, и знание может быть более или менее точным. Но нет способа заставить людей делать вещи, которые они не желают делать. Можно изменить их желания какой-то системой поощрений и штрафов, среди которых социальное одобрение и неодобрение играли бы не последнюю роль.

Вопрос для моралиста-законодателя, следовательно, в том, как организовать эту систему поощрений и наказаний, чтобы обеспечить максимум желательного для законодательной власти. Если кто-то говорит, что у законодательной власти дурные желания, это означает, что ее желания противоречат желаниям той части общества, к которой этот человек принадлежит. Вне человеческих желаний морального стандарта не существует.

Таким образом, этика отличается от науки не тем, что обладает особым знанием, а просто наличием желания. Знание, в котором нуждается этика, ничем не отличается от любого другого знания; особенность в том, что для нее некоторые цели более желанны, и поэтому этически правильным оказывается такое поведение, которое способствует их достижению. Разумеется, для того чтобы определение морального поведения нашло поддержку, цели должны отвечать желаниям каких-то больших групп людей. Если я скажу, что правильным будет такое поведение, которое увеличит мой доход, читатели вряд ли захотят со мной согласиться. Убедительность любого этического аргумента заключена в его научной части – в доказательстве того, что одни действия, а не другие являются средством достижения желанной для всех цели. Однако есть различие между этическим доказательством и этическим воспитанием. Последнее направлено на усиление одних желаний и ослабление других.

Мы можем теперь уточнить смысл того определения благой жизни, с которого я начал. Когда я сказал, что благая жизнь состоит в любви, направляемой знанием, за этим определением стояло желание самому жить такой жизнью как можно дольше и видеть, как живут ею другие люди. Логическое же содержание моего определения в том, что общество, ведущее такой образ жизни, удовлетворит больше желаний, чем общество, в котором меньше любви или меньше знания.

Почему люди несчастны?

Животные счастливы, если они здоровы и располагают достаточным количеством пищи. Казалось бы, при таких условиях должны быть счастливы и люди, но в современном мире, по крайней мере, в большинстве случаев, это не так.

Несмотря на различные его оттенки, несчастье встречается повсюду.

Допустим, вы находитесь в Нью-Йорке, наиболее типичном современном городе. Встаньте на оживленном перекрестке в рабочий день, или на центральной улице в выходные, или вечером где-то на танцах. Освободите свой ум от эгоистичной направленности и позвольте личностям окружающих вас незнакомцев, одной за другой, завладеть вами. Вы увидите, что каждое из упомянутых людских скоплений терзаемо своими заботами.

В толпе рабочего дня вы заметите тревожность, чрезмерную сосредоточенность, расстройство пищеварения и отсутствие интереса к чему-либо, кроме борьбы, неспособность к лёгкости мысли и бездумность в отношении ближних.

На центральной улице в выходной день вы найдете мужчин и женщин весьма обеспеченных, некоторых даже очень богатых, занятых погоней за удовольствиями. Эта погоня осуществляется всеми на одинаковой скорости, то есть на скорости самого медлительного автомобиля в потоке. Дорогу нельзя разглядеть из-за машин, а окружающее – из-за того, что, оглядываясь по сторонам, вы можете стать причиной аварии. Все без исключения сидящие в автомобилях поглощены желанием обогнать остальные автомобили, чего они сделать не могут из-за потока машин. А если их разум отвлекается от этого занятия (такое иногда случается с теми, кто не за рулем), людей охватывает непередаваемая скука, оставляя на лицах печать банальной досады. Порой какой-нибудь автомобиль, заполненный темнокожими людьми, вдруг выкажет неподдельную радость, но тут же своим сумасбродным поведением спровоцирует негодование и в итоге окажется в руках полиции из-за аварии: радоваться в свободное от работы время противозаконно.

Или же понаблюдайте за людьми на веселой вечеринке. Все явились с твердым намерением быть счастливыми, напоминаящим мрачную решимость человека не суетиться на приёме у дантиста. Считается, что выпивка и нежничание – врата к радости; поэтому люди стремительно напиваются и стараются не обращать внимания на отвращение со стороны своих спутников. После внушительного количества алкоголя мужчины принимаются рыдать и причитать

о том, сколь недостойны они любви и преданности своих мамаш. Алкоголь высвобождает их чувство греховности, подавляемое в более трезвые периоды рассудком.

Причины этих разновидностей несчастья возлежат отчасти в социальной системе, отчасти в индивидуальной психологии – которая, конечно, в значительной мере сама является продуктом социальной системы.

Моя цель – предложить лекарство от обыденного, повседневного несчастья, которым страдает большинство людей в цивилизованных странах, и которое тем невыносимее, что, не имея никакой очевидной внешней причины, кажется неизбежным. Я убежден, что это несчастье в значительной степени объясняется ошибочными взглядами на мир, ошибочной этикой, ошибочными житейскими привычками, ведущими к уничтожению того естественного вкуса к достижимым предметам и явлениям, от которых в итоге зависит счастье как людей, так и животных.

* * *

Я не родился счастливым. В детстве моим любимым гимном был этот: «В тщете земной, под бременем греха моего».

В пять лет я рассуждал, что в случае, если мне суждено прожить до семидесяти, я пока что выдержал только 14-ю часть жизни, и пролеглая впереди скука казалась мне почти невыносимой. В отрочестве я ненавидел жизнь и постоянно находился на грани самоубийства, от коего, однако, меня удержало желание больше узнать о математике. Сейчас, напротив, я радуюсь жизни; можно даже сказать, что с каждым годом я наслаждаюсь ею всё больше. Причина отчасти в том, что я сумел выяснить, чего по-настоящему желаю на этом свете и постепенно достигать всё большего из этого списка. Отчасти же причина в том, что мне удалось выбросить из головы некоторые объекты желания (например, получение бесспорного знания о тех или иных явлениях) как в высшей степени недостижимые.

Но самая главная причина – в уменьшении поглощенности самим собой. Как и все, кто получил пуританское образование, я имел привычку размышлять о своих грехах, безрассудствах и недостатках. Я казался себе – без сомнения, справедливо – жалким субъектом. Постепенно я научился с равнодушием относиться к себе и своим порокам; я всё больше внимания обращал на внешние объекты: состояние мира, различные отрасли знания, людей, к которым был привязан. Внешние интересы, что правда, несут каждый свою вероятность боли: мир может быть поглощен войной; знание в определенной области может оказаться труднодостижимым; друзья могут умереть. Но боль такого рода не может разрушить основополагающее качество жизни, в отличие от боли, возникающей из отвращения к себе. Каждый направленный вовне интерес вдохновляет определенную деятельность, которая, пока этот интерес жив, надежно защищает от тоски и опустошенности.

В противоположность этому интерес к себе не влечет за собой никакой прогрессивной деятельности. Он может привести к ведению дневника, к прохождению сеансов психоанализа или, возможно, на стезю монашества. Но и монах не будет счастлив, покуда монастырский порядок не заставит его забыть собственную душу. Счастье, которое он приписывает религии, монах мог бы обрести, и став подметальщиком улиц, при условии, что он был бы вынужден им оставаться. Внешняя дисциплина – единственная дорога к счастью для тех несчастных, чья поглощенность собой слишком глубока, чтобы излечить её как-либо иначе.

Встречаются разные виды самопоглощения. Рассмотрим три наиболее распространенных разновидности: грешника, «нарцисса» и человека с манией величия.

Когда я говорю про «грешника», я не подразумеваю человека, совершающего грех: грехи совершаются всеми или никем, в зависимости того, что мы вкладываем в это слово. Я имею в виду человека, погруженного в сознание греха.

Освобождение от тирании ранних верований и привязанностей – первый шаг к счастью для жертв материнской «добродетели».

Самовлюблённость в определенном смысле противоположна привычке чувствовать греховность. Она состоит из привычки восхищаться собою и желать, чтобы тобою восхищались остальные. До определенной степени это, разумеется, нормально и не подлежит осуждению; лишь в своём избыточном проявлении это становится серьезным пороком.

Тщеславие, если оно выходит за рамки, ради самого себя убивает удовольствие от любой деятельности, тем самым неизбежно приводя к апатии и скуке.

Человек с манией величия отличается от «нарцисса» тем, что хочет быть не очаровательным, но могущественным и влиятельным, хочет, чтобы его боялись, а не любили. К этому типу принадлежат многие безумцы и большинство великих людей в истории.

Не существует конечного удовлетворения ни в том, чтобы развивать одну составляющую человеческой натуры в ущерб всем остальным, ни в том, чтобы считать весь мир сырьём для великолепия чьего-то эго. Обычно люди с манией величия, как безумные, так и номинально «в своем уме», появляются в результате какого-то чрезвычайного унижения.

Типичный несчастливый человек – тот, кто в юности, будучи лишен некоего нормального удовлетворения, пришел к тому, что начал ценить именно этот единственный вид удовольствия превыше всех остальных и тем самым придал своей жизни одностороннее направление, наряду с непомерным акцентированием итогового успеха, в противоположность вниманию к сопряженным с ним действиям.

Существует, однако, дальнейшее развитие ситуации, очень распространенное в наши дни. Человек может ощущать преграды как столь непреодолимые, что перестает искать какие-либо формы удовлетворения, а только пути отвлечения и забвения. Он тогда становится приверженцем «удовольствия». Иными словами, он стремится сделать жизнь выносимой, становясь менее живым. Пьянство, к примеру, это растянутое во времени самоубийство: счастье, которое оно приносит, негативно, это кратковременное прекращение несчастья.

Люди, которые несчастливы, подобно людям, которые плохо спят, обычно гордятся этим фактом.

В наши дни, как бывало и во многие другие периоды мировой истории, принято считать, что самые мудрые среди нас сумели насквозь увидеть воодушевления прежних дней и пришли к осознанию, что не осталось ничего, ради чего стоило бы жить. Люди, склонные к такой точке зрения, неподдельно несчастны, но гордятся своим несчастьем, которое относят за счет самой природы мироздания и считают единственным разумным для просвещенного человека отношением.

Следует проводить различие между настроением и его интеллектуальным выражением. В отношении настроения спору нет; оно может перемениться под влиянием каких-либо удачных событий или вследствие изменения состояния нашего тела, но посредством спора настроение не изменить.

Я глубоко убежден, что те, кто всерьез относят свои печали за счет собственных взглядов на миропорядок, ставят повозку впереди лошади: истина в том, что они несчастливы по некоторым причинам, которых сами не осознают, и именно это несчастье приводит их к наименее приятным характеристикам мира, в котором они обитают.

Животное человек, подобно всем прочим животным, приспособлено к некоторой борьбе за выживание, и когда при посредстве значительного богатства гомо сапиенс может без усилий удовлетворять любые свои капризы, простое отсутствие в его жизни усилий уничтожает важную составляющую счастья. Человек, с легкостью получающий всё, к чему чувствует хотя бы умеренное желание, приходит к выводу, что достижение желаемого не приносит счастья. Если по складу характера такой человек философ, он заключает, что людская жизнь несчастна по

своей сути, поскольку даже человек, заполучивший всё желаемое, остается несчастлив. Такой философ забывает, что обходиться без кое-чего из желаемого – неотъемлемая часть счастья.

Жизнь не строится по аналогии с мелодрамой, где герой и героиня проходят через невероятные злоключения, в награду за которые получают счастливый конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.